

ЧЕРНАЯ И БЕЛАЯ МАГИЯ В ДРЕВНОСТИ (С ЕЁ ПОЛНЫМ РАЗОБЛАЧЕНИЕМ)

Сарматские жрицы, готские ведьмы и славянские оборотни
Откушенная рука Тюра и волк Фенрир на седле
Святынища Крыма
Магические лунницы, амулетницы и чернильницы
Люди и собаки в погребальном контексте

Ответственный редактор — Михаил М. Казанский

ISSN: 1857-3533

Stratum plus. No. 4.
Archaeology and Cultural Anthropology

Black and White Magic in Antiquity (fully dispelled)

Sarmatian priestesses, Gothic witches and Slavic werewolves
The lost hand of Tyr and the Fenrir wolf on the saddle
Sanctuaries of the Crimea
Magic lunulae, amulet-boxes and inkwells
Humans and dogs in the funerary context

Editor-in-Charge — Michel M. Kazanski

Saint Petersburg. Kishinev. Odesa. Bucharest.
2022

Stratum plus. Nr. 4.
Arheologie și antropologie culturală

Magia neagră și albă în vechime (cu demascarea ei totală)

Preotesele sarmatice, vrăjitoarele gotice și vârcolacii slavi
Mâna mușcată al lui Tyr și lupul Fenrir în șa
Sanctuarele Crimeii
Lunulele, amuletele și călimarele magice
Oameni și câini în context funerar

Redactor responsabil — Michel M. Kazanski

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.
2022

СОДЕРЖАНИЕ

ЖРИЦЫ, ВЕДЬМЫ И ОБОРОТНИ

- М. В. Кривошеев (*Волгоград, Россия*). О связи сакрального и социального устройства в савромато-сарматских культурах 15
- Е. В. Вдовченко, М. А. Петров (*Ростов-на-Дону, Россия*). Сарматские культы и общество сарматов 23
- Я. Е. Беспальчикова (*Санкт-Петербург, Россия*). *Haliurunna* в *Getica* Иордана: традиция, реальность и ее конструирование 35
- П. В. Шувалов (*Санкт-Петербург, Россия*). Задунайская жертва. К вопросу о верованиях раннего славянства 43

МАГИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ, ЗНАКИ И ФИГУРЫ

- М. М. Чореф (*Нижневартовск, Россия*). Тамги на драхмах Рескупорида IV как источник исторической информации 59
- К. Н. Скворцов (*Калининград, Россия*). Потерянная рука Тюра, волк Фенрир и другие: изображения на серебряной обкладке луки седла рубежа V/VI в. с могильника Шоссейное 71
- Р. В. Терпиловский, Я. В. Володарец-Урбанович (*Киев, Украина*). Соляренный символ в жизни древних славян 93

МАГИЧЕСКИЕ МЕСТА

- Д. А. Масюта (*Одесса, Украина*), Е. С. Лесная (*Саратов, Россия*). Святилище римского времени Бия-Сала в Юго-Западном Крыму 111
- Ю. П. Зайцев, И. И. Шкрибляк (*Симферополь, Крым*). Святилище римского времени на горе Кара-Тау в Предгорном Крыму 129

МАГИЧЕСКИЕ ВЕЩИ

- А. В. Мастыкова (*Москва, Россия*). Женские амулеты в форме лунниц из золотой проволоки в некрополе римского времени Фронтное 3 (Юго-Западный Крым) 151
- И. А. Сапрыкина (*Москва, Россия*), Э. А. Хайрединова (*Симферополь, Крым*), С. Е. Кичанов, А. В. Руткаускас, Н. М. Белозёрова, Д. П. Козленко (*Дубна, Россия*). Золотые амулетницы и их содержимое из раскопок могильника римского времени Фронтное 3 167

А. Н. Подушкин (<i>Шымкент, Казахстан</i>). Знатный кангюец на охоте	183
А. А. Труфанов (<i>Симферополь, Крым</i>). Детали римских бронзовых чернильниц из Усть-Альминского некрополя (Юго-Западный Крым)	209
Э. А. Хайрединова (<i>Симферополь, Крым</i>). Украшения-апотропеи в женском костюме крымских готов	225

МАГИЯ ЗАГРОБНОГО МИРА

В. Белевец (<i>Варшава, Польша</i>). Погребения с нетипичными элементами обрядности на могильнике вельбарской культуры Петровичи в Беларуском Побужье . .	251
И. Н. Храпунов, А. А. Стоянова (<i>Симферополь, Крым</i>). Люди и собаки в одной могиле: жертвенно-погребальный комплекс из могильника Опушки в Крыму	265
М. М. Казанский (<i>Париж, Франция</i>). Два погребения Аггилы: археологические реалии	275
В. А. Борзунов (<i>Екатеринбург, Россия</i>). Древнейшие погребения элиты обских угров (богатыри и шаманы кулайской эпохи Сургутского и Нижнего Приобья) . .	287
У. У. Умиткалиев (<i>Нур-Султан, Казахстан</i>), Л. В. Лбова (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>), К. А. Исаков, А. Т. Жанисов, П. Б. Мусырманкул, Д. Т. Тлеугабулов (<i>Нур-Султан, Казахстан</i>). Легенды об огненных конях: преемственность погребально- поминальных традиций в культурах кочевых народов Евразии	333

ДИСКУССИИ, ПАМЯТНИКИ, ТЕКСТЫ

М. В. Любичев (<i>Харьков, Украина</i>). Ранняя история: о реконструкции культурных и исторических процессов римского времени в днепро-донецкой лесостепи . .	349
А. А. Строков, Н. И. Шишлина, Н. В. Леонова (<i>Москва, Россия</i>). Погребение среднесарматской культуры курганного могильника Песчаный IV: результаты сравнительно-типологического, радиоуглеродного и изотопного исследований	365
А. К. Нефёдкин (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). «Изыскание» Урбикия	385

Список сокращений	395
-----------------------------	-----

Авторам <i>Stratum plus</i>	399
---------------------------------------	-----

C O N T E N T S

PRIESTESSES, WITCHES AND WEREWOLVES

- M. V. Krivosheev** (*Volgograd, Russian Federation*). **A Study on the Connection between Sacred and Social Order in Sauromat-Sarmatian Cultures** 15
- E. V. Vdovchenkov, M. A. Petrov** (*Rostov-on-Don, Russian Federation*). **Sarmatian Cults and Sarmatian Society** 23
- Ya. E. Bepalchikova** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). ***Haliurunna* in Jordanes's *Getica: Tradition, Reality and its Construction*** 35
- P. V. Shuvalov** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Transdanubian Sacrifice. On the Question of the Beliefs of the Early Slavs** 43

MAGIC SYMBOLS, SIGNS AND FIGURES

- M. M. Choref** (*Nizhnevartovsk, Russian Federation*). **Tamgas on Drachmas of Rhescuporis IV as a Source of Historical Information** 59
- K. N. Skvortsov** (*Kaliningrad, Russian Federation*). **“The Lost Hand of Tyr, the Wolf Fenrir and Others”. Images on the Silver Lining of the Saddlebow dated by the Turn of the 5th—6th Century from the Shosseinoe Burial Ground** 71
- R. V. Terpilovskij, Ya. V. Volodarets-Urbanovich** (*Kyiv, Ukraine*). **Solar Symbol in the Life of the Ancient Slavs** 93

MAGIC PLACES

- D. A. Masyuta** (*Odesa, Ukraine*), **E. S. Lesnaya** (*Saratov, Russian Federation*). **Biya-Sala Sanctuary of the Roman Time in the South-Western Crimea** 111
- Yu. P. Zaytsev, I. I. Shkribliak** (*Simferopol, Crimea*). **Sanctuary of Roman Time on the Kara-Tau Mount in Piedmont Crimea** 129

MAGIC THINGS

- A. V. Mastykova** (*Moscow, Russian Federation*). **Female Lunulae Amulets Made of Gold Wire in the Roman Time Necropolis Frontovoe 3 (South-Western Crimea)** . . . 151
- I. A. Saprykina** (*Moscow, Russian Federation*), **E. A. Khairedinova** (*Simferopol, Crimea*), **S. E. Kichanov, A. V. Rutkauskas, N. M. Belozero, D. P. Kozlenko** (*Dubna, Russian Federation*). **Golden Amulet-boxes and their Contents from the Excavations of the Roman Time Burial Ground Frontovoe 3** 167

A.N. Podushkin (<i>Shymkent, Kazakhstan</i>). A Noble Kangju Citizen Hunting	183
A.A. Trufanov (<i>Simferopol, Crimea</i>). Details of Roman Bronze Ink Wells from Ust'-Alma Necropolis (South-Western Crimea)	209
E.A. Khairedinova (<i>Simferopol, Crimea</i>). Jewelry Apotropaia in a Female Costume of the Crimean Goths	225

MAGIC OF THE AFTERLIFE

V. Beliaevs (<i>Warsaw, Poland</i>). Burials with Unusual Ritual Elements in the Cemetery of the Wielbark Culture in Piotrovichi on the Belarusian Bug River Basin	251
I.N. Khrapunov, A.A. Stoyanova (<i>Simferopol, Crimea</i>). Humans and Dogs in the Same Grave: A Sacrificial and Burial Complex of the Opushki Cemetery in the Crimea	265
M.M. Kazanski (<i>Paris, France</i>). Two burials of Attila: archaeological realities	275
V.A. Borzunov (<i>Yekaterinburg, Russian Federation</i>). Ancient Burials of the Ob' Ugrians' Elite (Bogatyr and Shamans of the Kulayka Epoch of the Surgut Ob' and Lower Ob' region)	287
U. U. Umitkaliev (<i>Nur-Sultan, Kazakhstan</i>), L. V. Lbova (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>), K.A. Iskakov, A. T. Zhanissov, P. B. Mussyrmankul, D. T. Tleugabulov (<i>Nur-Sultan, Kazakhstan</i>). Legends about Fiery Horses: Succession of Funerary and Memorial Traditions in the Eurasian's Nomadic Peoples Cultures	333

DISCUSSIONS, LANDMARKS, TEXTS

M. V. Lyubichev (<i>Kharkiv, Ukraine</i>). Early History: About the Reconstruction of Cultural and Historical Processes of the Roman Time in the Dnieper-Donets Forest-Steppe	349
A.A. Stokov, N.I. Shishlina, N. V. Leonova (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Middle-Sarmatian Culture Burial from the Peschany IV Barrow Cemetery: Results of the Comparative-Typological, Radiocarbon and Isotope Analysis	365
A.K. Nefedkin (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Urbicius's Epitaph	385
Abbreviations	395
Submissions	399

М. В. Любичев

Ранняя история: о реконструкции культурных и исторических процессов римского времени в днепро-донецкой лесостепи

Keywords: archaeological phenomenon, historical event, problems of the reconstruction, research methodology

Cuvinte cheie: fenomen arheologic, eveniment istoric, probleme de reconstrucții, metodologia cercetării

Ключевые слова: археологическое явление, историческое событие, проблемы реконструкции, методика исследования

M. V. Lyubichev

Early History: About the Reconstruction of Cultural and Historical Processes of the Roman Time in the Dnieper-Donets Forest-Steppe

The article responds to A.M. Oblomsky's publication, published in *Stratum plus* (4, 2021). The methodology for reconstructing cultural and historical processes is one of the essential issues in the archaeology of the Roman period in Eastern Europe. It should be based on the scientific developments of Western European (mainly German) scholars. The method of constructing "cultural-historical groups" is criticized, in fact, based on a relatively insignificant sample ("rediscovered culture") of ceramic fragments originating from exclusively partially excavated settlements. The basis for identifying the "chronological-cultural horizon" is precisely the chronological horizon — a set of dating items of the same time in a particular territory associated with burial and settlement objects, containing ceramic vessels of a specific set of shapes.

M. V. Lyubichev

Istoria timpurie: despre reconstrucția proceselor culturale și istorice din perioada romană în silvostepa Nipru-Donets

Articolul este un răspuns la publicația lui A.M. Oblomski, apărută în *Stratum plus* (4, 2021). Metodologia reconstrucției proceselor culturale și istorice este una din cele mai importante probleme în arheologia perioadei romane a Europei de Est, ea trebuie să se sprijine pe elaborările cercetătorilor vest-europeni (în special germani). Este supusă criticii metoda de construire a „grupurilor cultural-istorice” practic pe baza unei selecții destul de nesemnificative („cultură redescoperită”) de ceramică fragmentată, ce provine exclusiv din așezări parțial dezvelite. Drept bază pentru evidențierea „orizontului cronologic-cultural” este anume orizontul cronologic — setul de piese databile din aceeași perioadă într-un spațiu determinat, care sunt legate de siturile funerare și de habitat, unde se conțin vase ceramice de un anumit set de forme.

М. В. Любичев

Ранняя история: о реконструкции культурных и исторических процессов римского времени в днепро-донецкой лесостепи

Статья является ответом на публикацию А. М. Обломского, вышедшую в *Stratum plus* (4, 2021). Методика реконструкции культурных и исторических процессов — один из важнейших вопросов в археологии римского времени Восточной Европы, она должна опираться на разработки западноевропейских (главным образом немецких) исследователей. Критике подвергнут метод построения «культурно-исторических групп» фактически на основании довольно незначительной выборки («культуры вновь открытой») фрагментированной керамики, происходящей из исключительно частично раскопанных поселений. Основой для выделения «хронологико-культурного горизонта» является именно горизонт хронологический — набор датирующих вещей одного времени на определенной территории, которые связаны с погребальными и поселенческими объектами, где содержатся керамические сосуды определенного набора форм.

Как возможно с помощью материальных остатков доисторического человека получить ответ на исторические вопросы? С этой формулировки Хансом-Юргеном Эггерсом основного вопроса доисторической археологии (Eggers 2006: 10) начинается раздел

«Методика исследования культурных процессов и проблемы исторической реконструкции» в моей монографии «Ранняя история днепро-донецкой лесостепи I—V веков», вышедшей как второй том (в двух частях) серии «Ostrogothica-Serie: Bände»

в 2019 году (Любичев 2019а; 2019б). Спустя два года, в журнале «Stratum plus» увидела свет публикация А. М. Обломского «Две концепции раннеславянской археологии Днепровского Левобережья. Превратности метода», начинающаяся словами: «Недавно была опубликована книга М. В. Любичева, в которой приводится его общая концепция этнокультурных процессов на территории от Днепра до бассейна Северского Донца I—V вв. До выхода монографии отдельные положения этой концепции излагались Михаилом Васильевичем в серии статей. Поскольку многие идеи М. В. Любичева радикально отличаются от ранее высказанных мною, то я не могу не рассмотреть критически основные из них, связанные с историей ранних славян» (Обломский 2021: 299—300). Другая статья Андрея Михайловича, вышедшая двенадцатью годами ранее, также открывается подобными строками: «В последние годы М. В. Любичевым была опубликована серия статей..., в которых мои представления о этнокультурных процессах на Днепровском Левобережье, в бассейне Северского Донца были подвергнуты критике. Настоящая статья представляет ответ на нее» (Обломский 2009: 214).

Однако статья в «Stratum plus» оказалась не критическим разбором моей монографии, а лишь очередным ответом на критику концепции культурных процессов в днепро-донецкой лесостепи римского времени — начала эпохи Великого переселения народов, представленную А. М. Обломским. Действительно, разработки Андрея Михайловича занимают весьма существенное место в построении культурной истории региона этого периода. Без их критики невозможно дальнейшее развитие исследований в этой области. Однако, моя монография содержит не только лишь критику взглядов Андрея Михайловича...

Итак, мы «скрестили шпаги» на поле решения основного вопроса доисторической и раннеисторической археологии, который столь блестяще сформулировал выдающийся немецкий археолог, и потому именно с этих слов Эггерса я начал публикацию. Действительно, какая методика должна использоваться при реконструкции культурных, а также исторических процессов на основе археологических (доисторических) источников? Где лежат границы наших возможностей в решении этого вопроса при существующих базе источников и методике?

«В начале каждого научного знания всегда стоит вопрос», — замечает Эггерс (Eggers

2006:10). Поставим его: какова цель исследования А. М. Обломского? Она определяется как «реконструкция **историко-культурных процессов**» (Обломский 2021: 301), «**этнических процессов**» (Обломский 2002: 7), «**этнической истории**» (Обломский 1991: 6). Исследователь желает получить «динамичную картину изменения археологической ситуации» (Обломский 2002: 7), проследить внутренние «микромиграции» и «перегруппировки населения» в рамках уже выделенных археологических общностей (культур) (Обломский 2021: 300) и, судя по его работам, нисколько не сомневается, что это возможно на базе имеющегося археологического материала.

Какова методика достижения этой цели? В статье, вышедшей в *Stratum plus*, А. М. Обломский делает шаг вперед в сравнении с публикацией 2009 г. (Обломский 2009): причину столь резкого несоответствия интерпретации материала в наших работах он видит в первую очередь в разной методике его анализа (Обломский 2021: 301).

В рамках общностей (культур) «по максимальной близости черт археологического набора вычленяются культурно-хронологические группы. В рамках такой группы памятники по большинству признаков археологического комплекса должны быть в наибольшей степени близки между собой...» (Обломский 2002: 7; 2021: 301). Что такое «черты археологического набора»? Учитывая специфику «раннеславянских материалов, римского и гуннского времени на территории Днепровского Левобережья», заключающуюся в происхождении материалов главным образом из поселений, это — керамика и постройки (Обломский 2021: 301). Спецификой этой керамики является почти полное отсутствие целых сосудов: основная масса керамики, пригодной для анализа, представлена формами, реконструируемыми ниже места наибольшего расширения тулова (Обломский, Терпиловский 1991: 14).

Исходя из представлений А. М. Обломского, выделение «культурно-хронологических групп» проходит через следующие этапы:

Этап 1. Классификация и типология керамики. Для удобства описания формы сосудов расчленяется на условные части. Классификация, составленная по иерархическому принципу, учитывает форму и некоторые наиболее общие пропорциональные характеристики сосудов (соотношение между диаметром венчика и наибольшего расширения тулова сосуда, иногда — соотношение между общей высотой сосуда и диаметром венчика). В типологии

лепной керамики Среднего Поднепровья — Днепровского Левобережья римского времени А. М. Обломского — Р. В. Терпиловского классы выделены по форме наибольшего расширения тулова, типы — по общей структуре профиля, варианты — по форме венчика сосуда, разновидности — по соотношению диаметра венчика и диаметра наибольшего расширения тулова или диаметра венчика и высоты сосуда. Варианты и разновидности выделяются лишь в том случае, если внутри одного типа сосуда имеют различную профилировку венчика или различные названные выше пропорциональные характеристики (Обломский, Терпиловский 1991: 15; Обломский 1991: 35, табл. II; Обломский 2002: 7).

Этап 2. Определение структуры керамического набора памятников. Через «фильтр» этой классификации проходит фактически вся фрагментированная керамика поселения. Об этом процессе весьма красноречиво говорит следующая цитата: «Зачастую из-за сильной фрагментированности материала и общей немногочисленности коллекции форм, сохранившихся хотя бы ниже места наибольшего расширения тулова, пропорции рассчитать не удастся. В этом случае используются **два метода “грубой прикидки”** (выделено мною — М. Л.) общего сходства или различия сопоставляемых массивов. По одному методу — измеряется угол наклона венчика по отношению к тулову и вычисляется процентное соотношение сильно- и слабопрофилированных сосудов в наборе... При применении второго метода можно получить общие сведения о степени «вытянутости» или «приземистости» сосудов... по их нижним частям, даже если они фрагментированы ...» (Обломский 2002: 7—8). По памятникам с представительной коллекцией керамики определяется общий типологический набор форм — структура керамического комплекса (Обломский 1991: 7). Все эти построения подкреплены статистическим материалом, графиками, диаграммами (Обломский 1991: рис. 15, 20, 21, 22, 23, 24, 29, 33—37, 39).

Этап 3. Формирование культурных групп из поселений с подобными керамическими комплексами. Поселения с подобными керамическими структурами образуют группы, изучается территория их распространения, степень близости друг к другу, смена групп во времени (Обломский 2002: 301).

Позволю себе для краткости назвать описанный выше метод «керамическим».

Следовательно, памятники со сходными структурами керамических комплексов, соз-

данных таким путем, составляют одну группу, а памятники с комплексами, имеющими даже некоторые отличия, относятся уже к другой группе. Ну, а в плане исторической реконструкции появляются «микромиграции» и «перегруппировки населения» (последний термин — см. Обломский 2021: 300).

Какое место в этой методике занимают хронологические построения? Цитирую: «Хронология получившихся в результате всех этих процедур (применения «керамического метода» — М. Л.) археологических общностей устанавливается по датирующим вещам» (Обломский 2021: 301). А. М. Обломский говорит о двух методах построения хронологии: 1) «Метод анализа внутренних изменений археологического набора» — прослеживание «внутренних» изменений набора украшений, погребального обряда, керамики с использованием корреляции признаков по закрытым комплексам; 2) «Периодизация на «внешних основаниях» — время поступления определенного импорта, употребления вещей определенного стиля, где этапы обладают большой длительностью, границы размыты» (Обломский 1991: 7—8). Первый метод используется для могильников, а второй — для датировки поселений и поэтому широко применяется для поселенческих памятников днепро-донецкой лесостепи римского времени. Исследователь указывает, что «хронологические закономерности на памятниках позднезарубинецко-киевской традиции прослеживаются, в основном, на материале керамики и, реже, в конструкции жилищ и построек. Украшения, как правило, играют роль хронологических индикаторов» (Обломский 1991: 9).

На основании применения «керамического» метода А. М. Обломский создал концепцию культурной истории днепро-донецкой лесостепи римского времени (в его терминологии «раннеславянской истории Днепровского Левобережья») (Обломский 2021: 300), сводящуюся к следующим основным пунктам:

1) Как следствие распада зарубинецкой культуры и массовых миграций населения в днепро-донецкой лесостепи в сер. — тр. четв. I в. появляются группы **позднезарубинецкой** (по терминологии А. М. Обломского — Р. В. Терпиловского) культурно-хронологического горизонта типа Лютеж, Картамышшево — Терновка, Грини, выделенных по набору лепной посуды на поселениях;

2) На рубеже II/III — в начале III вв. в результате **серии микромиграций населения**

и «перетасовывания» элементов двух соседних позднезарубинецких группировок (выделено мною — М.Л.) позднезарубинецкого населения формируется киевская культура, памятники раннего этапа которой относятся в регионе к деснинскому (типа Попово — Лежачи 4) и сейминско-донецкому (типа Шишино 5 — Шмырево) локальным вариантам. Процент лощеной керамики на этих памятниках меньше (1%), чем на позднезарубинецких поселениях (3—18%);

3) Около сер. — тр. четв. III в. в ходе «точечного продвижения» (термин А.М. Обломского, выделено мною — М.Л.) черняховское население достигает Северского Донца (поселения Головино 1, Песчаное, Хохлово);

4) Черняховское воздействие испытали носители второго этапа сейминско-донецкого варианта киевской культуры (поселения Букреевка 2, нижний горизонт Боромли 2, Родной Край 3, Тазово);

5) В нач. — перв. пол. V в. готы уходят на запад, и с севера проникают носители деснинского варианта киевской культуры. Носители черняховских памятников киевской традиции большей частью остались на месте, и около втор. четв. — сер. V в. формируются пеньковская и колочинская культуры (Обломский 2021:300, 303, 305, 308—316).

Как понимает Андрей Михайлович суть моей методики реконструкции ранней истории региона? Здесь позвольте процитировать его полностью: «В качестве своей методики М.В. Любичев называет теорию Х.- Ю. Эггерса о мертвой и живой культуре (Любичев 2019а: 72—74), но это — в самом общем смысле (выделено мною — М.Л.). В качестве базовых понятий используются «культурная группа» и «хронологико-культурный горизонт» (в понимании М.В. Любичева эквивалентные). Их выделение «подразумевает общность сохранившихся ведущих элементов материальной культуры (топография поселений, типы объектов на поселениях, погребальный обряд и погребальные конструкции, ведущие формы керамических сосудов, детали костюма и украшения) определенного времени на определенной территории» (Любичев 2019а: 75). Казалось бы, все это соответствует моим методическим принципам, впрочем, традиционным для археологии Восточной Европы конца XX — начала XXI в. Но имеется и существенное отличие. У М.В. Любичева при выделении культурных групп на первом месте находится хронология — «набор датирующих вещей одного времени». Отсюда и выводится понятие «хронологико-культурного

горизонта». Типологические исследования занимают второе место. Археологическая структура группы (соотношение ее элементов) специально не изучается. Обычно приводится подборка аналогий тем или иным типам вещей, построек, погребений и т.д., либо дается ссылка на те работы, где эта структура уже исследована. Как результат, подобный подход обычно приводит к упрощению ситуации: важно выделить горизонт находок и других черт археологического комплекса, а любые внутренние градации материала в рамках хронологического периода не слишком существенны» (Обломский 2021: 301—302).

А.М. Обломский не заметил, что в моей монографии присутствует глава, носящая название «Методика исследования культурных процессов и проблемы исторической реконструкции» (Любичев 2019а: 72—82). Действительно, а что особенного в ее наличии и стоит ли на это обращать внимание? К сожалению, в монографических исследованиях восточноевропейских коллег, в данном случае посвященных ранней истории¹ регионов Восточной Европы римского времени, о методике построения культурной и ранней истории либо не говорится вообще (Магомедов 2001; Козак 2008; Вакуленко 2010), либо этому посвящено несколько абзацев (Обломский 1991:6—7, 9; 2002: 7—8; Терпиловский 2004: 12—13)²

¹ Речь идет именно о «ранней истории» (*Frühgeschichte*), источником которой является почти исключительно материальная культура, эпохе, в которую материальные находки уже сопровождают отдельные письменные известия, переходе от доистории (праистории) к истории, где происходит сопоставление археологических находок с письменными источниками. В основе построения «ранней истории» лежат именно культурные процессы, и заключительным этапом ее создания является сопоставление культурной истории как археологического явления со свидетельствами имеющихся письменных источников (Любичев 2019а: 72—73).

² Согласно Р.В. Терпиловскому, этнос тесно связан с «выражающим его обликом материальной культуры» и культуре определенного этноса присущ «комплекс черт» (Терпиловский 2004: 12). Единству этноса соответствует генетическая преемственность при смене одной культуры другой. Следовательно, для «прослеживания всей цепочки генетически связанных культур» используется принцип ретроспекции. «Типологические и хронологические характеристики культурных групп определяются на основе «наиболее представительных и надежных» комплексов с последующим привлечением массового материала (Терпиловский 2004: 12—13). В монографии Я.И. Онищука присутствует подраздел «Методология исследования», но там речь идет не о принципах и методах построения

Исследование культурной истории не представляется возможным без так называемой «внутренней критики археологических источников на региональном уровне», подразумевающей изучение пространственного распространения археологических источников, определения соотношения состояния исследования (*Forschungsstand*), состояния обработки (*Bearbeitungsstand*) и состояния опубликованности (*Publikationsstand*), рассмотрения вопроса о соответствии современной картины распространения археологического феномена исторической действительности.

Система Х.-Ю. Эггера является основой критики археологических (доисторических) источников на региональном уровне и ее инструментом, она также ведет к пониманию природы археологических источников. Х.-Ю. Эггер выделяет три степени развития культуры: «культура живая», «культура мертвая», «культура вновь открытая»³ (Eggers 1951: 24; 2006: 257—258). Третья ступень также носит название «культура зарегистрированная» (Kolendo 1998: 13), как отражение реальной картины распространения древних вещей сегодня. В любом случае и «культура вновь открытая» и «культура зарегистрированная» являются лишь отражением уровня исследованности.

При изучении культурных процессов и реконструкции исторической действительности археолог работает исключительно с третьей ступенью — «культурой вновь открытой». Его целью является выход на вторую ступень — «культуру мертвую», ее оценка (Eggert 2008: 114), исходя из уровня исследованности и состояния обработки материала. «Культура вновь открытая» является выборкой из «культуры мертвой». Заметим, что фактор «выборки» археолог должен постоянно учитывать при исследовании культурной истории. Необходимо осознавать, что перспективная цель, выход на «культуру живую», достигается достаточно редко (Eggers 1951: 24), даже вторая ступень, «культура мертвая» является во многом спекулятивной (Eggert 2008: 116). Реально мы видим лишь третью ступень.

Мы выделяем культурные группы на основании «культуры вновь открытой» и гипотетически предполагаем их существование

в «культуре мертвой»: на основании выборки с использованием элементов спекуляции происходит реконструкция целого⁴.

Действительно, в моем понимании термин «культурная группа» эквивалентен понятиям «археологическая культура» и «хронологический культурный горизонт». Все они подразумевают общность сохранившихся ведущих элементов материальной культуры (типы объектов на поселениях, виды погребального обряда и типы погребальных конструкций, основные формы керамических сосудов, характерные детали костюма и украшения...) конкретного временного промежутка на определенной территории. Культурная группа сама по себе не отражает историческую реальность, но выделяется специалистами только на основании археологических находок и комплексов (Wahle 1941: 132).

Основой для выделения хронологического культурного горизонта⁵ является именно горизонт хронологический — набор датируемых вещей одного времени (детали костюма, украшения, стеклянная посуда, предметы вооружения и снаряжения всадника, импортная керамика и т.д.) на определенной территории⁶.

⁴ Спекуляции являются составным элементом исследований культурной истории, реконструкции исторической действительности. Спекулятивных соображений невозможно избежать в до- и раннеисторической археологии, ибо она, являясь исторической дисциплиной, только в определенных границах и аспектах может открыть историческое явление (Uslar 1955: 20). Спекуляция представляется внешней, но всеохватывающей возможностью научного исследования, она служит для объяснения, интерпретации, рабочей гипотезы, в том числе и для создания теории (Uslar 1955: 20).

⁵ Более привычным и созвучным является термин «культурно-хронологический горизонт», но точнее суть понятия отражает этот термин, подчеркивающий ведущее место хронологической составляющей.

⁶ Использование Андреем Михайловичем «керамического метода» для реконструкции культурных и исторических процессов начинается с конца восьмидесятых годов прошлого века, до начала так называемой «эры металлодетекторов». В тот период «памятники славянской линии развития» (термин А.М. Обломского): позднезарубинецкая, киевская культуры, да и поселения черняховской культуры выглядели весьма «керамичными». На памятниках римского времени металлические вещи происходили в основном из черняховских могильников. Но теперь ситуация кардинально изменилась, что мы просто обязаны (!) учитывать. Этот важный вопрос затронут в отдельной главе монографии М.В. Любичева, посвященной археологическим источникам (Любичев 2019а:40—71). Для каждого из трех выделенных хронологическо-культурных горизонтов памятники рассмотрены по условно выделенным районам, прилегающим к рекам днепровского и донского

ранней истории, а о методах обработки археологического материала, построения хронологии, реконструкции древних производств, консервации и реставрации объектов (Онищук 2018:105—114).

³ Между «культурой живой» и «культурой мертвой» находится еще «культура умирающая» — объект исследования этнографов (Eggers 2006:257—258).

Эти датирующие вещи связаны с погребальными и поселенческими объектами, в которых содержатся керамические сосуды (их фрагменты) определенных форм. В рамках исследования культурной и ранней истории вопрос о критериях выделения культурной группы приобретает особую важность, ибо она представляет собой основу для последующей исторической интерпретации. Подчеркиваем, что с хронологическим горизонтом (хронологическим единством) связываются именно характерные типы вещей на определенной территории, что касается основных (ведущих) типов керамических сосудов.

Мной также рассматривались и проблемы исторической реконструкции (Любичев 2019а: 80—82). Сама она проводится на основе почти исключительно археологических источников и мизерных свидетельств письменных источников. И проблемой в рамках раннеисторического исследования является различная природа археологических и письменных свидетельств. Комбинация письменных и археологических источников уже сама по себе представляет основную проблему. По своей природе они историчны — обязаны своим появлением историческому развитию. На этом их сходство и заканчивается ввиду различной природы. Письменные и археологические источники имеют различные информативные возможности в освещении специфических аспектов прошедшей реальности, различных сторон жизни древнего общества, они характеризуют независимые друг от друга области истории, которые лишь в редких случаях можно согласовать. Доисторические источники статичны, не отражают исторический феномен в его динамике, выступают в качестве «материализованного момента», в роли материального отпечатка исторического развития. Культурные группы выступают как статичные образования, соответствующие историческим изменениям.

В основе исторической реконструкции в моем исследовании лежит метод Х.-Ю. Эггера, выраженный им формулой «археологический тезис — литературный антитезис — исторический синтез» (Eggers 2006: 271—275). В качестве «археологического тезиса»

выступает конкретная археологическая ситуация — выделенные хронологико-культурные горизонты. «Литературным антитезисом» служат немногочисленные отрывочные свидетельства письменных источников.

Андрей Михайлович считает, что типологические исследования у меня «занимают второе» место и «археологическая структура группы (соотношение ее элементов) специально не изучается» (Обломский 2021: 302). Позвольте с этим не согласиться! Что понимает Андрей Михайлович под «специальным изучением археологической структуры группы»? У меня складывается впечатление, что, главным образом, — построение структур керамических комплексов. Действительно, статистика, графики, диаграммы «керамических разработок» Андрея Михайловича (Обломский 1991: рис. 15, 20—24, 29, 33—37, 39) просто потрясают своими масштабами! Но обратимся же опять к постановке вопроса: статистически обработанная фрагментированная керамика участков поселений как основа для выделения культурных групп и реконструкции культурно-исторических, этнических процессов? Может быть статистика здесь лишь придает «научность» решению вопроса в такой постановке? Но статистика — не панацея, «волшебница», которая из хаоса создает некую структуру или уверенность. В лучшем случае она создает из данных какие-то более или менее видимые структуры (Trachsel 2008: 152).

Я не формирую из весьма незначительной поселенческой выборки фрагментированной керамики посредством статистики структуры керамических комплексов поселений, образующих затем культурно-хронологические группы, и не реконструирую на этой основе этнические процессы, но типология вещей (хронологические индикаторы, керамические сосуды), объектов на поселенческих и погребальных комплексах занимает значительное место в моих исследованиях, в том числе — монографии, достаточно обратить внимание на отдельную главу (!) по хронологии, главы по каждому из трех выделенных хронологико-культурных горизонтов (Любичев 2019: 83—105, 112—119, 129—178). А. М. Обломский полагает, что отрицая «керамический метод» как основу для построения культурных групп, я тем не менее использую его (совместно с Р. В. Терпиловским) систему классификации керамики и понятие «структура керамического комплекса» (Обломский 2021: 303). А почему бы и нет? В классификации лепной керамики римского времени Сред-

бассейнов, представлен анализ потенциала памятников для построения культурной истории, подкрепленный каталогами памятников горизонтов, сооружений на поселениях, могильников и отдельных погребений, материалами по структуре керамических наборов, хронологии памятников, которые содержатся во второй части монографии (Любичев 2019б: 38—179).

него Поднепровья — Днепровского Левобережья А.М. Обломского — Р.В. Терпиловского (Обломский 2002: рис. 2), которую я использую (Любичев 2019б: рис. 10), представлены все основные типы лепных сосудов этого региона данного промежутка времени, имевшиеся на памятниках различных хронологико-культурных горизонтов. Имеется возможность в общих чертах представить **структуру керамического комплекса горизонта** — набор основных форм сосудов. Ранее я предпринимал попытку создания классификации лепной керамики для отдельного горизонта, горизонта Боромля (Любичев 2007), но затем вернулся к указанной выше классификации.

А.М. Обломский считает, что выделение хронологико-культурных горизонтов приводит к «упрощению ситуации» и не фиксирует «внутренних градаций в рамках хронологического периода», «упрощает довольно сложную историческую картину» (Обломский 2021: 299, 302). Я полностью поддерживаю фиксацию передвижений древнего населения, реконструкцию сложной исторической картины. Ведь действительно, передвижения групп населения различного масштаба имели место на всех этапах исторического развития различных частей Ойкумены, в том числе и в днепро-донецкой лесостепи римского времени. Но можно ли реально выявить вот эту «сложную историческую картину» на основании имеющейся выборки, «культуры вновь открытой»?

Или речь идет о принятии «желаемого» за «действительное»? Вопрос о границах археологического знания при исторической реконструкции Андрей Михайлович никогда не затрагивал. Знакомясь с его методикой, результатами исследований, создается впечатление о горячей убежденности А.М. Обломского в прямой связи между археологическим явлением и исторической реальностью: группы сходных по структурам керамических комплексов поселений — «динамичная картина изменения археологической ситуации» — историко-культурные/этнические процессы... Одна из его монографий носит очень красноречивое название «Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I—V вв. н.э.» (Обломский 1991). Но где же там «этнос»? Есть лишь структуры керамических комплексов, типы объектов на поселениях и выделенные на их основании культурно-исторические группы. Это — этносы? В своих работах Андрей Михайлович даже не упоминал о проблеме исторической интерпретации археологического явления,

а ведь в этой области существуют весьма большие наработки, целая традиция в западноевропейской археологии!

Далее позволю себе остановиться на некоторых положениях своей концепции культурного развития региона, которые оспаривает А.М. Обломский. Действительно, я выделяю постзарубинецкий⁷ хронологико-культурный горизонт сер. I — сер. III вв., ставлю под сомнение наличие в нем ряда групп и отношу к горизонту памятники, которые А.М. Обломским и Р.В. Терпиловским причислены к раннему этапу киевской культуры. Выделение А.М. Обломским групп в позднезарубинецком горизонте (среди «позднезарубинецких памятников») в Среднем Поднепровье и днепро-донецкой лесостепи является результатом использования его методики — «по набору лепной посуды на поселениях... а также по структуре керамического комплекса» (Обломский 2021: 303). Что же представляет собой «культура вновь открытая» для такого заключения?

Разведками открыто 15 поселений, 16 поселений и два могильника изучались раскопками, ни один памятник не исследован полностью (Любичев 2019б: табл. 1). Поселение является «негативной выборкой из неизвестных обстоятельств» (Eggers 1951: 27; 2006: 266—267), что признают А.М. Обломский и Р.В. Терпиловский, указывая на происхождение основной массы материала на них из свалок, «отсутствием абсолютно целых форм сосудов, залеганием вперемешку фрагментов различных сосудов» (Обломский, Терпиловский 1991: 17). Количество фрагментов, дающих хотя бы реконструкцию

⁷ Сторонники термина «позднезарубинецкий горизонт», «позднезарубинецкая культура», «позднезарубинецкие памятники» считают, что несмотря на то, что речь идет о самостоятельном культурном явлении, отличном как от предшествующей зарубинецкой, так и последующей киевской культуры, не образующем единой эволюционной линии развития, но все же сохраняющем сильную зарубинецкую традицию (Обломский, Терпиловский 1991: 10, 76; Обломский 2010: 12). Однако термин «позднезарубинецкие» предполагает, что эти памятники являются именно поздним этапом зарубинецкой культуры и таким образом ее существование продлевается до рубежа II—III вв. Сторонники термина «постзарубинецкие» (Щукин 1979: 69, 74; 2011: 242; Щеглова 2004: 119; Воронятов 2012: 738—739) справедливо полагают, что при хронологическом разрыве и существенных переменах в культуре населения, рассредоточившегося с «зарубинецкой прародиной» после ее распада, является некорректным терминологическое закрепление за разными явлениями лишь характеристики их как одного из этапов уже не существующей общности.

верхней части сосуда, из раскопанных участков поселений является различным для каждого поселения: оно зависит от насыщенности слоя исследованного участка, наличия там объектов, заполненности их котлованов. Стоит учитывать и большие, порой огромные расстояния между поселениями, объединяемыми в культурные группы (Любичев 2019б: рис. 4). Нельзя игнорировать и факт изготовления лепной керамики в каждой общине: при наличии общих форм для определенной территории на каждом поселении встречаются отличия в угле поворота венчика, профиле верхней части тулова и т. д. Естественно, что «пропуск» такой выборки через «фильтр» классификации дает лишь различное соотношение реконструируемых целых форм из раскопанного участка поселения, встречаются единичные формы, которые не известны из раскопанного участка другого поселения. Но является ли это обстоятельство подтверждением исторического события, миграции, например, как это предположил на основании материалов поселения Березовка 2 мой уважаемый оппонент? (Обломский 1992; 2021: 303). Объединение полученных таким образом «структур керамических комплексов» поселений является ни чем иным как выделением групп близких наборов фрагментированной керамики из участков поселений («культуры вновь открытой»), но ни в коем случае не выделением культурных групп «культуры мертвой»!

Покрытые расчесами горшки раскрытого профиля считаются А. М. Обломским главным индикатором группы Грини (Обломский 2002: 15). По минимальному количеству поселений с такой керамикой, удаленных друг от друга на огромные расстояния, им был сделан вывод, что поселения этой группы не образуют локальных скоплений. Но украшенная расчесами и штрихами керамика найдена на памятниках горизонта, отнесенных и к другим группам (Шишино 5, Картамышево 2, Терновка 2). А. М. Обломский указывает, что памятники типа Грини выделены не только по этой специфической керамике, но и по «структуре набора груболепных сосудов» (Обломский 2021: 304). А какова же выборка для определения этой «структуры»? Она просто мизерна: фрагменты сосудов из слоя раскопа под насыпью вала в Решетках, из глинобитного пода и углубленного объекта в Вовках, из слоя и 14 ям в Рябовке 3 (Обломский, Терпиловский 1991: 144—146; Обломский, Терпиловский 2002; Любичев 2019б: часть 2, табл. 1).

Хронологические рамки памятников постзарубинецкого горизонта в регионе я отношу к ступеням В2/С1, С1_а или к сер., втор. пол. II — перв. четв./перв. пол. III вв., гипотетически допуская определение нижней границы некоторых памятников началом ступени В2 (около конца I в., рубеж I—II вв.) (Любичев 2019а: 87). А. М. Обломский отстаивает дату сер. — тр. четв. I в. в качестве нижней границы постзарубинецких памятников и приводит находки определенных типов амфор (Шелов В, С), фибул (А.59—61 «прусской» серии, со сплошным приемником т. н. почепского типа) из Осиповки (Лиман), Картамышево 2, Волчкова (Обломский 2021: 304—305). Действительно, эти вещи бытовали во втор. пол. I в. В этой связи я хотел бы несколько скорректировать свои взгляды, а именно: в самом постзарубинецком хронологико-культурном горизонте существуют два хронологических горизонта: 1) соотносимый с горизонтом Рахны — Почеп (ступени В1, В2); 2) «горизонт эмалей» (ступени В2/С1, С1_а) (который я и обозначил в монографии собственно как «постзарубинецкий»). Здесь мои взгляды совпадают с мнением С. В. Воронятова (Воронятов 2018: 18).

Действительно, признавая наличие постзарубинецкого хронологико-культурного горизонта, ставится под сомнение выделение раннекиевских памятников в днепро-донецкой лесостепи (Любичев 2019а: 119—123), а выделение горизонта Боромля отрицает наличие «позднекиевских памятников сейминско-донецкого варианта» (Любичев 2019а: 129—134). А. М. Обломский замечает: «Утверждение об отсутствии в днепро-донецкой лесостепи ранних киевских древностей (а также более поздних, учитывая, что памятники киевской культуры черняховского периода отнесены ... к горизонту Боромля) является достаточно смелым и идет вразрез с историографической традицией» (Обломский 2021: 305). Термин «историографическая традиция» здесь явно имеет синоним: это взгляды А. М. Обломского и частично Р. В. Терпиловского. Я не являюсь «пионером» в сомнении правомерности выделения киевской культуры (тем более применительно к области днепро-донецкой лесостепи). Об этом еще писал М. Б. Щукин (Щукин 2011).

Группа памятников Шишино 5 — Шмырево, относимая к ранней фазе киевской культуры (Обломский 1991: 62—68; 2002: 18; Терпиловский 2004: 44), представлена мизерным количеством памятников: поселения Шишино 5, Шмырево (только некоторые материа-

лы), Приоскольское 2 (только яма 23), Шосейное (только «жилище 11»), могильники с погребениями-кремациями и фрагментированной керамикой Кулига, Шмырево, Шишино 5, Приоскольское 2 (Обломский 1991: 23; 2002: 17—19; Любичев 2019б: табл. 1). К раннекиевским отнесены также поселения Гочево 1, Рябовка 1, Сушки 2 (Терпиловский 2004: 43—44, 47—48; Любичев 2019б: табл. 1). Сами памятники группы Шишино 5 — Шмырево находятся исключительно на востоке днепродонецкой лесостепи, в зоне активной поисковой и раскопной деятельности А. М. Обломского в восьмидесятые — девяностые годы прошлого века.

Использование «керамического метода» порой может привести к конфузу: на поселении Раковка (которое, кстати, исследовал я) ямы находились в пределах остатков сооружения (пятна), которое отнесено к «позднезарубинецкому», но одна яма (№3) определяется как «раннекиевская». А по поводу культурной атрибуции поселения Гочево 1 вообще идет спор: ранний этап киевской культуры (Терпиловский, Абашина 1992: 162—163; Терпиловский 2004: 44) или позднезарубинецкий горизонт (Обломский 1991: 37). Выходит, что в жилище обитали «поздние зарубинцы», но его очагом уже овладели «ранние киевляне»... А поселение они вообще не могли поделить... «Этническая история» все-таки!

А. М. Обломский указывает, что по формам и орнаментации лепные сосуды «раннекиевских памятников» находят аналогии в керамике позднезарубинецких памятников (Обломский 2021: 308). Но, оказывается, были замечены «**инновации**» (кавычки и выделение мои — М. Л.), заключающиеся в: уменьшении доли горшков с орнаментацией по венчику; сокращении процента лепной посуды, (но появлении высоких ребристых лощеных мисок, которые ранее были известны в западной части днепро-донецкой лесостепи), распространении глиняных дисков. За этими керамическими инновациями стоит «перетасовывание» элементов двух соседних позднезарубинецких группировок (культурный вывод — М. Л.), в результате микромиграций населения (исторический вывод — М. Л.) (Обломский 2021: 308).

Поселения, отнесенные к постзарубинецким и раннекиевским, расположены в идентичных топографических условиях — на возвышенностях в пойме либо на краю надпойменной террасы, на них присутствует фактически идентичная номенклатура форм лепных сосу-

дов⁸. Углубленные сооружения, которые можно относить к жилым и хозяйственным, отличаются достаточным единообразием: прямоугольной в плане формой с закругленными углами, наличием столбовых ямок по периметру или в центре, очагов и т. д. Налицо — некое «типологическое единство», которое подкрепляется одним хронологическим горизонтом: группа Шишино 5 — Шмырево не имеет никаких узко датированных специфических вещей внутри хронологического диапазона сер. II — сер. III вв., имеются в виду вещи круга «выемчатых эмалей» (Любичев 2019а: 119—123). Приводимые А. М. Обломским вещи в качестве аргумента более позднего диапазона раннекиевских памятников (шпора из Попово — Лежачей 4, пряжка из Шишино 5, «эмали» из Шишино 5 и Приоскольского 2 (Обломский 2021: 309) находятся внутри отрезка сер. II — сер. III вв. Исследователь замечает, что ввиду отсутствия достаточного количества датированных вещей хронология раннекиевских памятников устанавливается... «в основном по особенностям керамического комплекса» (Обломский 2002: 19—20). В этой связи не могу не упомянуть выделение Андреем Михайловичем фаз римского времени (и соответственно культурных групп) в области днепро-донецкого водораздела на основе использования «керамического метода»: первая фаза — памятники типа Картамышшево 2 — Терновка 2 с активным употреблением лепной лощеной посуды (2%); вторая фаза — от прекращения активного использования лощеной посуды до начала поступления черняховской гончарной керамики. Лощеная посуда встречается редко (менее 1%). При разведках эти памятники не выделяются; третья фаза — памятники типа Букреевка 2 — Каменево 2 — распространение гончарной черняховской керамики (1/2—30/35%). Лепная керамика преобладает, а гончарная употребляется в качестве импортной парадной посуды (Обломский 1991: 6).

⁸ Присутствуют все основные формы лепных горшков с шероховатой поверхностью. Лощеная керамика определенно не изготавливалась в каждой общине, а делалась в некоторых центрах профессионалами, являлась импортом. Современная картина распространения лощеной посуды разных типов отражает как объем выборки, так поступление разных форм из различных центров в микрорегионы постзарубинецкого горизонта: в обеих областях (западная и восточная области днепро-донецкой лесостепи) за некоторым исключением, распространены одинаковые формы лощеной посуды.

А. М. Обломский ставит под сомнение правомерность существования хронологико-культурного горизонта Боромля, считая, что при его выделении использован исключительно хронологический подход, но типологическое обоснование отсутствует (Обломский 2021: 309). Категорически не согласен! Что подразумевает Андрей Михайлович под «типологическим обоснованием»? У меня опять создается впечатление, что это использование «керамического метода». Да, я не использую его. О принципах выделения хронологико-культурных горизонтов написано в монографии (Любичев 2019а: 73—76) и сказано выше. Приоритет хронологической составляющей не отрицает важности типологии поселенческих и погребальных элементов. Впрочем, давайте посмотрим... Все три горизонта (постзарубинецкий, Боромля, «классической» черняховской культуры) построены при опоре на хронологическую составляющую по единой схеме классификации топографического положения поселений, единой типологии домостроительства, связанной с выделением «домостроительных традиций», единой типологии лепной керамики (как сказано выше, использована классификация А. М. Обломского — Р. В. Терпиловского). Мы наблюдаем изменения в этих составляющих. И вот совокупность этих изменений на определенном этапе, так называемых «инноваций», и может свидетельствовать о культурных изменениях (Любичев 2019а: 80—82). Поселенческие памятники горизонта Боромля отличает наличие углубленных построек определенных типов (двух «домостроительных» традиций), набора определенных форм лепных сосудов в керамическом комплексе, присутствие определенного процента круговой керамики (Любичев 2019б: табл. 9—15). Следовательно, с хронологическим единством связано культурное единство (своеобразие), позволяющее выделить этот горизонт (Любичев 2019а: 129—133). Я действительно рассматриваю горизонт Боромля не как чисто хронологическое явление, но культурную общность, о чем свидетельствует и его определение («культурно-хронологический») и соответствующий материал монографии. Обоснованность его выделения подтверждает и сравнение морфологических признаков горизонта Боромля с предшествующим в днепро-донецкой лесостепи постзарубинецким горизонтом, а также синхронными памятниками в полосе лесостепи и южной части лесной зоны от Верхнего Поднепрот-

вья до Верхнего Подонья (Любичев 2019б: 133—144, 182—184; 2019б: табл. 16—23).

Совершенно естественно, что использование «керамического метода» со скрупулезным подсчетом соотношения фрагментов лепных и круговых сосудов привело к тому, что поселения с одинаковыми морфологическими признаками («домостроительные традиции», набор основных форм сосудов), относящиеся к одному хронологическому горизонту (датирующие вещи: фибулы группы Альмгрен VII, фибулы Гороховский А, амфоры Шелов D), разделены на две группы: «сейминско-донецкий вариант киевской культуры» и «черняховская культура» (Обломский 2021: 309). Поселение Головино 1 (участок позднеримского времени) ввиду просто огромного по сравнению другими синхронными памятниками процента круговой керамики (85%) объявлено черняховской «базой колонизации» (Обломский 1991: 86; 2002: 56—57, 89) и по находкам фибулы А. VII, амфор Шелов D, пряжки «солтановской» серии синхронизировано с памятниками киевской культуры типа Букреевка — Тазово (Обломский 2021: 310). Но из слоя Головино 1 происходит фрагмент амфоры Шелов F, а круговые горшки имеют самые различные венчики, в том числе хорошо развитые: сильно отогнутые, профилированные, с уступом под крышку, Г-образные (Обломский 2001—2002: рис. 7, 9, 10, 13, 14, 18, 22). Горшки с такими венчиками характерны уже для горизонта «классической» черняховской культуры, в частности по материалам Среднего Поднепровья (Петраускас, Петраускас 2008: 73).

Огромное количество круговой керамики Головино 1 — следствие перекрытия поселения горизонта Боромля поселением горизонта «классической» черняховской культуры. Именно к поселению горизонта «классической» черняховской культуры относится близлежащий могильник. В его шести (№5 — условно) погребениях, к сожалению, отсутствуют датирующие предметы, но керамика в ингумациях (Обломский 2001—2002: рис. 26; 27:1—11) совершенно идентична той, что присутствует в погребениях черняховских могильников региона фаз А — Е горизонта «классической» черняховской культуры (Любичев 2019б: приложения 4, 5, табл. 43, рис. 107: 8—13; 108:1—19).

Явление двухгоризонтности поселений позднеримского времени региона прослежено на поселениях Войтенки (участок А), Песчаное, Гочево 3 и 4, Огульцы, 10-й Октябрь, Мамрой (Любичев 2017: 42—44; 2019: 171—172).

Оно проявляется в: 1) перекрытии объектов одного горизонта объектами другого; 2) наличии в заполнении остатков углубленных сооружений горизонта Боромля, превращенных в мусорные ямы, почти исключительно культурных остатков горизонта «классической» черняховской культуры; 3) наличии в слое одного поселения датирующих вещей двух горизонтов, фрагментов лепных сосудов горизонта Боромля и большого количества типичной черняховской круговой керамики; 4) наличии на поверхности поселений или участков поселений датирующих вещей двух горизонтов — соответственно ступеней C1_b—C2 и C3—D1 (Любичев 2019а: 169).

А.М. Обломский отстаивает наличие трех горизонтов на эпонимном поселении Боромля 2 (Обломский 2002: 36; 2021: 310). В верхних уровнях заполнения его углубленных объектов преобладает круговая керамика, ибо после прекращения существования поселка горизонта Боромля и появления поселка горизонта «классической» черняховской культуры котлованы заброшенных жилищ/хозяйственных сооружений использовались для сброса мусора. В отличие от участка А поселения Войтенков 1, в Боромле 2 отсутствуют полностью пережатые заполнения углубленных объектов, «консервирующие» находки в сооружениях нижнего горизонта. Это не позволяет четко разделить заполнения горизонтов и заполнение позднего горизонта в качестве мусора в котловане брошенного объекта раннего горизонта, создает впечатление принадлежности объекта к позднему горизонту.

Немногочисленные фрагменты лепных сосудов северо-западной традиции в сооружениях 5, 7, 8, отнесенных ко второму горизонту поселения, представлены совместно с лепной керамикой горизонта Боромля и круговой черняховской керамикой. Типологически сооружения 5, 7, 8 не образуют на поселении отдельной группы, и для выделения отдельного (второго) горизонта между горизонтом Боромля (первый) и горизонтом «классической» черняховской культуры (третий) нет ни культурных ни хронологических оснований⁹.

Я выделяю на поселении Боромля 2 два горизонта: 1) связанный с горизонтом Боромля (сооружения 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 10); 2) связан-

ный с горизонтом «классической» черняховской культуры (сооружения 4, 9, ямы 1—10, очаги и «рабочие площадки», гончарные горны) (Любичев 2017: 42; 2019а: 170). Ситуация на селище Боромля 2 фактически аналогична наблюдаемой на участке А поселения Войтенки 1: ближе к краю балки (краю селища) находились углубленные сооружения со следами пожара горизонта Боромля, перекрытые слабоуглубленными или каркасно-глинобитными сооружениями горизонта «классической» черняховской культуры. Далее, от края поселения, открыты почти исключительно остатки наземных каркасно-глинобитных сооружений горизонта «классической» черняховской культуры и находится почти исключительно круговая керамика. В Войтенках лучше, чем в Боромле 2, сохранились остатки наземных каркасно-глинобитных сооружений, явно их частями являются глинобитные очаги с окружающей их дисперсией кусков глиняной обмазки — следы остатков стен. Но в Войтенках, в заполнении полуземлянок горизонта Боромля среди характерной лепной керамики не встречены фрагменты сосудов северо-западной традиции. На участке А поселения Войтенки и в Боромле 2 мы имеем дело с двумя горизонтами позднеримского времени, один из которых — горизонт Боромля, а второй — горизонт «классической» черняховской культуры. Близлежащие могильники относятся исключительно к поселениям горизонта «классической» черняховской культуры. Первоначально, до открытия углубленных объектов с фрагментами лепной керамики северо-западной традиции, наличие фактически этих двух горизонтов в Боромле 2 признавали сами авторы раскопок А.Н. Некрасова и Р.В. Терпиловский (Некрасова, Терпиловский 1989: 19, 26).

Пытаясь найти дополнительные аргументы для неправомерности выделения культурно-хронологического горизонта позднеримского времени ступеней C1_b, C2 в регионе (горизонта Боромля), Андрей Михайлович обращается к работам О.А. Радюша, в том числе к материалам его раскопок поселения Пены, полагает, что они существенно скорректируют воззрения М.В. Любичева (Обломский 2021: 310—311). До 2020 г. О.А. Радюш не выделял отдельного горизонта ступеней C1_b, C2 среди черняховских древностей региона, он писал об одном горизонте позднеримского времени для III—V вв., «периоде черняховского влияния», группе памятников втор. пол. III — втор. пол. IV вв. (Радюш 2008: 182—183), классическом периоде черняховской культуры

⁹ Подвзаяная фибула Гороховский Б2д (в нашей номенклатуре хроноиндикаторов — ХИ 10/1) характерна для горизонта «классической» черняховской культуры, ибо она относится к 3—5 фазам развития черняховских могильников украинской лесостепи (Гороховский 1988:44—45).

конца III — третьей четверти IV вв. (Радюш 2018: 572, 573, 575). В публикации усадьбы 3 поселения Пены О. А. Радюш уже говорит об «участке, на котором располагались постройки раннего, наиболее дискуссионного горизонта, связываемого с черняховскими древностями на левобережье Днепра» (Радюш 2020: 164). Особенность этого участка исследователь видит в наличии здесь многих материалов, которые «датируются ранней фазой черняховской культуры, то есть втор. тр. III — нач. IV вв.», но в то же время «встречаются и вещи, бытующие во второй половине IV века» (Радюш 2020: 174). Материалы раскопок О. А. Радюша корректируют (точнее «дополняют») мои взгляды о неоднородном составе носителей горизонта Боромля. О том, что он был синкретичным (а не только лишь простым переносом на восток группы Демьянов — Черепин), я писал в монографии: достаточно взглянуть на подразделы о южных и северо-западных влияниях (Любичев 2019а: 139—142). Отмечу, что южные связи горизонта прослеживаются все более четко (распространение амфор Шелов D, боспорских и провинциально-римских монет) (Мызгин, Диденко 2021).

А. М. Обломский ставит под сомнение появление горизонта Боромля как результат миграции на восток части населения из Верхнего — Среднего Поднестровья и придерживается мнения о дальнейшем развитии памятников типа Шишино — Шмырево при проникновении «каких-то групп населения» из Поднестровья на восток (Обломский 2021: 316—317). Комплекс «инноваций», появление которых в днепро-донецкой лесостепи связано с горизонтом Боромля, назван в монографии. Если появление деталей костюма можно объяснить новой модой, то за комплексом изменений в топографии поселений, домостроительстве, керамике стоит рассматривать вероятнее всего передвижение носителей культурной группы (Любичев 2019а: 133—134). Полагаю, что такая трактовка культурных процессов близка тезису М. Б. Шукина о том, «... что движение вельбаркцев дитиничской волны и проникновение вооруженных отрядов пшеворцев в Верхнее и Среднее Поднестровье заставило часть населения этого региона тоже двинуться на восток, причем в некоторых случаях достаточно далеко. Они достигают даже верховьев Дона, где обнаружены памятники типа Седелки...» (Шукин 2005: 133). Следствием перемещения на восток части носителей группы Демьянов — Черепин явилось возникновение в днепро-донецкой лесосте-

пи памятников горизонта Боромля и группы Седелки — Каширка на Верхнем Дону. Возможно, что отдельные группы носителей горизонта Боромля и группы Седелки — Каширка смогли проникнуть в ареал мощинской культуры (Любичев 2019б: рис. 52, 149). Во всяком случае, обнаружение фибул с высоким приемником группы VII О. Альмгрена в бассейне Оки (Воронцов, Столяров 2018) допускает существование такой гипотезы.

Андрей Михайлович считает, что «этнокультурное соотношение черняховских древностей и горизонта Боромля ... не рассматривается. Судьбы населения горизонта Боромля специально не исследуются» (Обломский 2021: 301). Считаю это замечание досадным недоразумением: в монографии этому посвящен целый раздел (7.5. Горизонт Боромля и горизонт «классической» черняховской культуры) с двумя подразделами (7.5.1. Два горизонта позднеримского времени в регионе; 7.5.2. О возможном наследии горизонта Боромля в условиях горизонта «классической» черняховской культуры) (Любичев 2019а: 168—175).

Существует проблема связи между горизонтом Боромля и горизонтом «классической» черняховской культуры. Помимо морфологических отличий (Любичев 2019а: 129—144, 145—176), их сближают идентичная топография большинства поселений, присутствие в керамическом комплексе круговой посуды преимущественно провинциально-римских форм, но в совершенно различном соотношении к лепной (от нескольких процентов в горизонте Боромля до исключительного преобладания в горизонте «классической» черняховской культуры). Кроме того, большинство известных, изученных раскопками поселений горизонта Боромля перекрыты слоем поселений горизонта «классической» черняховской культуры. Но считать оба горизонта лишь отражением хронологических этапов развития одного населения не позволяет ряд существенных морфологических отличий (например, в горизонте «классической» черняховской культуры — повсеместное присутствие наземных каркасно-глинобитных конструкций на поселениях и наличие вблизи поселений биритуальных могильников). Появляется новая культурная модель, получившая, например, у Б. В. Магомедова, обозначение «тип Косанов» (Магомедов 2001: 116). Появление с горизонтом «классической» черняховской культуры комплекса инноваций вероятнее всего связано в историческом плане с появлением нового населения (Любичев 2019а: 184). Ну-мизматическая ситуация (состав кладов дена-

риев чеканки I—II вв., идентичный с составом кладов в ареалах пшеворской и вельбаркской культур) также свидетельствует о переносе северо-западной культурной модели (Мызгин 2019а: 9).

Проблема связи двух горизонтов соприкасается с вопросом об их происхождении и степени участия в формировании черняховской культуры. Вероятно, что ранние черняховские могильники (ступеней С1_б, С2), с одной стороны, и поселения групп Демьянов — Черепин, Седелки — Каширка, горизонта Боромля, с другой, не являются культурными явлениями одного порядка. Первые очевидно представляют собой вельбаркское наследие, а за вторыми видна определенная пшеворская, зубрицкая подоснова. Наличие отдельных вельбаркских материалов в горизонте Боромля свидетельствует о контактах этих групп (Любичев 2019а: 143—144). Данные положения пока являются гипотетическими и будут разрабатываться с дальнейшим накоплением, систематизацией источников.

И наконец, рискну ответить на еще одно замечание моего уважаемого оппонента о том, что я позиционирую себя как борец с «коссинизмом» в смысле идеи отождествления археологических общностей и этносов, но делаю это... не слишком последовательно, применяю термины «сарматские курганы», «позднескифские поселения и могильники», в одной из своих работ, выделяю «праславянскую» культурную провинцию сер. III — нач. IV вв. (Обломский 2021: 317). Во-первых, я не позиционирую себя борцом с «коссинизмом», и для меня неприемлем сам этот термин. Густав Коссинна был одним из создателей до- и раннеисторической археологии как науки и университетской дисциплины. Своей формулой «Scharf umgrenze archäologische Kulturprovinzen decken sich zu allen Zeiten mit ganz bestimmten Völkern oder Völkerstämmen» («Четко ограниченные археологические культурные провинции во все времена совпадали с конкретными народами или племенами») (Kossinna 1911: 3) он просто неверно поставил вопрос, увидев лишь одно этническое значение культурной области, а не спектр исторических значений. Это блестяще рас-

крыл Х.-Ю. Эггерс (Eggers 2006: 274—275). Во-вторых, я действительно связал «этнические ярлыки» с некоторыми культурными группами, следуя традиции: а как же по-другому назвать «сарматские» погребения, «позднескифские» поселения? Действительно, в одной из своих статей (Любичев 2010) я, видя общие черты в материальной культуре, свел ряд близких групп (тип Демьянов — Черепин, киевская культура Среднего Поднепровья и Подесенья, горизонт Боромля, группа Седелки-Каширка) в одну провинцию и дал ей неудачное название «праславянская». В монографии эти группы рассматриваются лишь как «синхронные памятники лесостепи, южной части лесной зоны от Верхнего Днестра до Верхнего Дона» (Любичев 2019а: 134—139). Ну а в-третьих, сам Андрей Михайлович постоянно использует этнические названия для обозначения культурных явлений («этнокультурных процессов»), возьмем хотя бы его статью в «Stratum plus»: «Две концепции раннеславянской археологии Днепрового Левобережья», «лепная керамика «славянской» традиции» (Обломский 2021: 299, 309). В завершении своей статьи А. М. Обломский говорит о «принципиальных отличиях двух концепций славянской истории Днепрового лесостепного левобережья в римское время» (Обломский 2021: 317). Может быть, Андрей Михайлович и занимается **славянской историей** (выделено мною — М.Л.), он имеет право так считать. Но я занимаюсь культурной историей региона римского времени и пытаюсь следовать западноевропейской традиции, берущей начало со времен Томсена и Монтелиуса, использования хронологического принципа для выделения этапов.

В заключении хочу отметить громадные заслуги Андрея Михайловича в изучении древностей римского времени — эпохи Великого переселения народов Подонья. Без его работ, без нашей многолетней дискуссии, не было бы и моих современных разработок. Ведь еще Иоганн Вольфганг Гёте изрек: «Говорят, что между двумя противоположными мнениями находится истина. Ни в коем случае! Между ними лежит проблема».

Литература

Вакуленко Л. 2010. *Українські Карпати у пізньоримський час*. Київ: ІА НАНУ.
Воронцов А. М., Столяров Е. В. 2018. Группа селищ мощинской культуры на р. Воздремок. В: Егорейченко А. А. (ред.). *Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I — начале II тыс. нашей эры*. Материалы международной научной

конференции, посвященной 90-летию профессора Э. М. Загорульского. Минск: БГУ, 67—76.
Воронятов С. В. 2012. Раннеславянские миры... Рец.: Позднестаробульские памятники на территории Украины (вторая половина I—II в. н. э.). Москва: ИА РАН, 2010, 329 с. РAE 2, 738—748.
Воронятов С. В. 2018. *Сарматский и южно-балтийский*

- культурные импульсы в постзарубинецких древностях горизонта Рахны-Почеп (втор. пол I — нач. II вв. н. э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
- Гороховский Е. Л. 1988. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины. В: Баран В. Д. (ред.). *Труды V Международного конгресса археологов-славистов*. Т. 4. Киев: Наукова думка, 34—46.
- Козак Д. 2008. *Венеди*. Київ: Корвін пресс.
- Любичев М. В. 2007. Керамический комплекс горизонта Боромля. *Вісник ХНУ імені В. Н. Каразіна*, №762, *Історія* 39, 286—298.
- Любичев М. В. 2010. «Горизонт Боромля» как область «праславянской» культурной провинции середины III — начала IV в. (ступени C1b — C2). *Germania — Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов II*, 148—178.
- Любичев М. В. 2017. Поселение Боромля 2 и культурно-хронологические горизонты позднеримского времени в Днепро-Донецкой лесостепи. В: Родинкова В. Е., Румянцева О. С. (ред.). *Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур. К 60-летию А. М. Обломского*. РСМ 19. Москва: ИА РАН, 39—50.
- Любичев М. В. 2019а. *Ранняя история днепро-донецкой лесостепи I—V вв.* Часть 1. Ostrogothica-Serie: Bände, 2. Харьков: Естет Принт.
- Любичев М. В. 2019б. *Ранняя история днепро-донецкой лесостепи I—V вв.* Часть 2. Ostrogothica-Serie: Bände, 2. Харьков: Естет Принт.
- Любичев М. В. 2016. Культурные группы ранне- — начала позднеримского времени в днепро-донецкой лесостепи и археологические источники. В: Петраускас О. В., Гопкало О. В., Горбаненко С. А. (ред.). *Черняхівська культура. До 85-річчя від дня народження І. С. Вінокура*. Oіum 5. Київ: ІА НАНУ, 146—163.
- Магомедов Б. 2001. *Черняховская культура. Проблема этноса*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Мызгин К. В. 2019. Античные монеты как источник по культурной и ранней истории днепро-донецкой лесостепи I—V вв. В: Любичев М. В. *Ранняя история днепро-донецкой лесостепи I—V вв.* Часть 2. Ostrogothica-Serie: Bände, 2. Харьков: Естет Принт, 8—15.
- Мызгин К. В., Диденко С. В. 2021. Бораны Зосима, Боспорское царство и поход на Трапезунд. In: Matera M., Karasiewicz-Szczypiorski R. (eds.). *Światowit. Supplement Series C: Pontica et Caucasia*. Vol. II. *Interdisciplinary research on the antiquity of the Black Sea*. Warsaw: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 311—336.
- Некрасова А. Н., Терпиловский Р. В. 1990. *Отчет о раскопках на поселении и могильнике черняховской культуры у с. Боромля Тростянецкого района Сумской обл. в 1989 г.* НА ИА НАНУ, 1989/38а.
- Обломский А. М. 1991. *Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I—V вв. н. э.* Москва; Сумы: б/и.
- Обломский А. М. 1992. Березовка 2 (позднзарубинецкое поселение на Сумщине). *ПАВ* 2, 83—99.
- Обломский А. М. 2001—2002. Новый черняховский памятник на территории России. *Stratum plus* (5), 27—52.
- Обломский А. М. 2002. *Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время*. Москва: Наука.
- Обломский А. М. 2009. О времени и характере распространения черняховской культуры на территории Днепровского Левобережья (наши разногласия). В: Мызгин К. В. (ред.). *Ostrogothica. Археология Центральной и Восточной Европы позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов*. Харьков: Тимченко А. Н., 264—287.
- Обломский А. М. (ред.). 2010. *Позднзарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I—II вв.)*. РСМ 12. Москва: ИА РАН.
- Обломский А. М. 2021. Две концепции раннеславянской археологии Днепровского Левобережья. *Превратности метода. Stratum plus* (4), 299—319.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В. 1991. *Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры*. Москва: Наука.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В. 2002. Позднзарубинецкие материалы поселения Рябовка 3. В: Лопатин Н. В. (ред.). *Верхнее Поднепровье и Подвинье в III—V вв. н. э.* РСМ 4. Москва: ИА РАН, 86—98.
- Онищук Я. І. 2018. *Населення Західної Волині та Західного Поділля у першій половині I тис. н. е.: культурно-історичний аспект*. Львів: ЛНУ імені Івана Франка.
- Петраускас А. В., Петраускас О. В. 2008. Про деякі особливості технології та хронології гончарних горщиків черняхівських пам'яток Постугняння. *Археологічні студії* 3, 53—97.
- Радюш О. А. 2008. Новые памятники III—V вв. в Курском Посеймье. В: Воронцов А. М., Гавритухин И. О. (ред.). *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов*. Тула: ГМЗ «Куликово Поле», 181—208.
- Радюш О. А. 2018. Львовско-Фатежская группа памятников финала черняховской культуры в верховьях р. Сейм (Курская обл., Россия). In: Niezabitowska-Wisniewska B., Łuczkiwicz P., Sadowski S., Stasiak-Cyran M., Erdrich M. (red.). *Studia Barbarica. Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin*. T. 1. Lublin: UMCS, 570—591.
- Радюш О. А. 2020. Раскопки усадьбы 3 на поселении черняховской культуры Пены (пос. им. К. Либкнехта) в Курчатковском районе Курской области. В: Любичев М. В., Мызгин К. В. (ред.). *Між Сходом та Заходом (Inter Orientem et Occidentem). Ювілейна збірка до 65-річчя з дня народження доктора Ердуште Шульце та 20-річчя Германіо-Слов'янської археологічної експедиції*. Ostrogothica-Serie: Bände, 3. Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 179—200.
- Терпиловский Р. В. 2004. *Славяне Поднепровья в перв. пол. I тыс. н. э.* Lublin: UMCS.
- Терпиловский Р. В., Абашина Н. С. 1992. *Памятники киевской культуры*. Киев: Наукова думка.
- Щеглова О. А. 2004. Микрорегион Верхнего Псла от рубежа эр до рубежа тысячелетий. В: Горюнова В. М., Щеглова О. А. (ред.). *Культурные трансформации и взаимовлияния в днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 117—123.
- Щукин М. Б. 1979. К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций. *АСГЭ* 20, 66—89.
- Щукин М. Б. 2005. *Готский путь*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.

- Шукин М.Б. 2011. Реплика по поводу «киевской культуры». В: Мачинский Д.А. (ред.). *Европейская Сарматия*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 239—244.
- Eggers H.J. 1951. *Der römische Import im freien Germanien*. (Atlas der Urgeschichte, 1). Hamburg: Hamburgisches Museum für Völkerkunde und Vorgeschichte.
- Eggers H.J. 2006. *Einführung in die Vorgeschichte*. Berlin: Scriptor-Verlag Christof Krauskopf.
- Eggert M. 2008. *Prähistorische Archäologie: Konzepte und Methoden*. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag.
- Kolendo J. 1998. Rola studiów źródłoznawczych w badaniach nad importami rzymskimi znajduwanymi na terenie Barbaricum. In: Kolendo J. *Świat antyczny i barbarzyńcy: Teksty, Zabytki, Refleksja nad Przecioscia*. Seria Podręczników, tom 3. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 5—20.
- Kossinna G. 1911. *Die Herkunft der Germanen*. Mannus-Bibliothek 6. Würzburg: C. Kabitzsch.
- Trachsel M. 2008. *Ur- und Frühgeschichte. Quellen, Methoden, Ziele*. Zürich: Orell Füssli Verlag AG.
- Uslar R. von. 1955. Über den Nutzen spekulativer Betrachtung vorgeschichtlicher Funde. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums* 2, 1—20.
- Wahle E. 1941. *Zur ethnischen Deutung frühgeschichtlicher Kulturprovinzen. Grenzen der frühgeschichtlichen Erkenntnis*. I. Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Jahrgang 1940/41. 2. Abhandlung. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung.
- ## References
- Vakulenko, L. 2010. *Ukrains'ki Karpaty u pizn'oryms'kyj chas* (Ukrainian Carpathians in the Late Roman Period). Kyiv: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (in Ukrainian).
- Vorontsov, A.M., Stoliarov, E.V. 2018. In Egoreichenko, A.A. (ed.). *Etnokul'turnye protsessy na territorii Belarusi v I — nachale II tys. n. e. (Ethnic-Cultural Processes on the Territory of Belarus in the I — Early II Millennium AD)*. Minsk: Belorussian State University, 67—76 (in Russian).
- Voroniatov, S.V. 2012. In Rossiiskii arkhеologicheskii ezhegodnik (Russian Archaeological Annual) 2, 738—748 (in Russian).
- Voroniatov, S.V. 2018. *Sarmatskii i iuzhno-baltiiskii kul'turnye impul'sy v postzarubinskikh drevnostiakh gorizonta Rakhny-Pochep (vtor. pol I — nach. II vv.n.e.) (Sarmatian and South Baltic Cultural Impulses in the Post-Zarubinty Antiquities of the Rakhny-Pochep Horizon: Second Half of the 1st — Beginning of the 2nd Century AD)*. PhD Thesis. Saint Petersburg (in Russian).
- Gorokhovskii, E.L. 1988. In Baran, V.D. (ed.). *Trudy V Mezhdunarodnogo kongressa arkhеologov-slavistov (Proceedings of the 5th International Congress of Slavist Archaeologists)* 4. Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 34—46 (in Russian).
- Kozak, D. 2008. *Venedy (Vistula Veneti)*. Kyiv: "Korvin press" Publ. (in Ukrainian).
- Liubichev, M.V. 2007. In *Visnyk Kharkivs'koho natsional'noho universytetu im. V.N. Karazina (Newsletter of Kharkov V.N. Karazin National University)* 762. Istorii (History) 39, 286—298 (in Russian).
- Liubichev, M.V. 2010. In *Germania — Sarmatia. Drevnosti Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy epokhi rimskogo vlianiia i pereseleniia narodov (Germania — Sarmatia. Antiquities of Central and Eastern Europe from Epoch of Roman Influence and Great Migrations)* II, 148—178 (in Russian).
- Liubichev, M.V. 2016. In Petruskas, O.V., Gopkalo, O.V., Gorbatenko, S.A. (eds.). *Cherniakhivs'ka kul'tura. Do 85-richchia vid dnia narodzhennia I.S. Vinokura (Chernyakhov Culture: to the 85th Anniversary of I.S. Vinokur)*. Series: Oium 5. Kyiv: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, 146—163 (in Russian).
- Liubichev, M.V. 2017. In Rodinkova, V.E., Rumiantseva, O.S. (eds.). *Evropa ot Latena do Srednevekov'ia: varvaskii mir i rozhdenie slavianskikh kul'tur (Europe from La Tène to the Middle Ages: Barbarian World and Birth of Slavic Cultures)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 19. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 39—50 (in Russian).
- Liubichev, M.V. 2019. *Ranniaia istoriia dnepro-donetskoi lesostepi I—V vv. (Early History of the Dnieper-Donets Forest-steppe in 1st—5th Centuries AD)*. Part 1. Ostrogothica-Serie: Bände, 2. Kharkov: "Estet Print" Publ. (in Russian).
- Liubichev, M.V. 2019. *Ranniaia istoriia dnepro-donetskoi lesostepi I—V vv. (Early History of the Dnieper-Donets Forest-steppe in 1st—5th Centuries AD)*. Part 2. Ostrogothica-Serie: Bände, 2. Kharkov: "Estet Print" Publ. (in Russian).
- Magomedov, B.V. 2001. *Cherniakhovskaia kul'tura. Problema etnosa (Chernyakhov Culture. The Problem of Ethnos)*. Series: Monumenta studia Gothica I. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej (in Russian).
- Myzgin, K.V. 2019. In Liubichev, M.V. *Ranniaia istoriia dnepro-donetskoi lesostepi I—V vv. (Early History of the Dnieper-Donets Forest-steppe in 1st—5th Centuries AD)*. Part 2. Ostrogothica-Serie: Bände, 2. Kharkov: "Estet Print" Publ., 8—15 (in Russian).
- Myzgin, K.V., Didenko, S.V. 2021. In Matera, M., Karasiewicz-Szczypiorski, R. (eds.). *Światowit. Supplement Series C: Pontica et Caucasica. Vol. II. Interdisciplinary research on the antiquity of the Black Sea*. Warsaw: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 311—336 (in Russian).
- Nekrasova, A.N., Terpilovskii, R.V. 1990. *Otchet o raskopkakh na poselenii i mogil'nikе cherniakhovskoi kul'tury u s. Boromlia Trostianetskogo raiona Sumskoi obl. v 1989 g. (Report on Archaeological Excavations of the Chernyakhov Culture Settlement and Cemetery near the Boromlya, Trostyans District, Sumy Oblast, in 1989)*. Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, 1989/38a (in Russian).
- Oblomskii, A.M. 1991. *Etnicheskie protsessy na vodorazdele Dnepra i Dona v I—V vv.n.e. (Ethnic Processes on the Watershed of the Dnieper and Don in the 1st—5th Centuries AD)*. Moscow; Sumy: Archaeological Agency (in Russian).
- Oblomskii, A.M. 1992. In *Peterburgskii arkhеologicheskii vestnik (St. Petersburg Archaeological Bulletin)* 2, 83—99 (in Russian).
- Oblomskii, A.M. 2001—2002. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 27—52 (in Russian).
- Oblomskii, A.M. 2002. *Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezh'e v pozdnerimskoe i gunnskoe vremia (seredina III — pervaiia polovina V v.n.e. (The Forest-Steppe of the Left Bank of the Dnieper in Late Roman and Hun Times (Middle of 3rd — First Half of 5th Century AD))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Oblomskii, A.M. 2009. In Myzgin, K.V. (ed.). *Ostrogothica. Arkheologiiia Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy pozdnerimskogo vremeni i epokhi Velikogo pereseleniia narodov (Ostrogothica. Archaeology of Central and Eastern Europe in the Late Roman Time and the Epoch of Great Migrations)*. Kharkov: "Timchenko A.N." Publ., 264—287 (in Russian).
- Oblomskii, A.M. (ed.). 2010. *Pozdnezarubinskies pamiatniki na territorii Ukrainy (vtoraia polovina I—II vv.n.e.) (Late Zarubinsk Sites on the Territoria of Ukraine: Second Half of the 1st — 2nd Centuries AD)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 12. Moscow:

- Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Oblomskii, A.M. 2021. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 299—319 (in Russian).
- Oblomskii, A.M., Terpilovskii, R.V. 1991. *Srednee Podneprov'e i Dneprovskoe Levoberezh'e v pervye veka nashei ery (Middle Dnieper Basin and the Dnieper Left-Bank Area in the First Centuries AD)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Oblomskii, A.M., Terpilovskii, R.V. 2002. In Lopatin, N.V. (ed.). *Verkhnee Podneprov'e i Podvin'e v III—VII vv.n.e. Tushemlinskaia kul'tura (Upper Dnieper and Western Dvina Area in 3rd—7th Centuries AD: Tushemlya Culture)*. Series: Rannoslavianskii mir. Arkheologiiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 4. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 86—98 (in Russian).
- Onyshchuk, Ya.I. 2018. *Naselemyia Zakhidnoi Volyni ta Zakhidnoho Podillya u pershij polovyni I tys. n. e.: kul'turno-istorychnyj aspekt (Population of Western Volhynia and Western Podolia in the First Half of the 1st Millennium AD: Aspect of Cultural History)*. Lviv: Lviv National University named after Ivan Franko (in Ukrainian).
- Petrauskas, A.V., Petrauskas, O.V. 2008. In *Arkheolohichni studii (Archaeological Studies)* 3, 53—97 (in Ukrainian).
- Radiush, O.A. 2008. In Vorontsov, A.M., Gavritukhin, I.O. (eds.). *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliianii i Velikogo pereseleniia narodov (Forest and Forest-steppe Zone of Eastern Europe during the Roman Influence and the Great Migration Periods)*. Tula: "Kulikov Pole" State Museum-Reserve, 181—208 (in Russian).
- Radiush, O.A. 2018. In Niezabitowska-Wisniewska, B., Łuczkiwicz, P., Sadowski, S., Stasiak-Cyran, M., Erdrich, M. (red.). *Studia Barbarica. Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznice urodzin*. T.1. Lublin: UMCS, 570—591 (in Russian).
- Radiush, O.A. 2020. In Lyubychyev, M.V., Myzhin, K.V. (eds.). *Mizh Skhodom ta Zakhodom (Inter Orientem et Occidentem): Iuvileina zbirka do 65-richchia z dnia narodzhennia doktora Erdmute Shulttse ta 20-richchia Germano-Slov'ians'koi arkheologichnoi ekspeditsii (Inter Orientem et Occidentem: Anniversary Collection of the Papers Dedicated to the 65th Anniversary of the Birth of Dr. Erdmute Schultze and the 20th Anniversary of the German-Slavic Archaeological Expedition)*. Ostrogothica-Serie: Bände, 3. Kharkiv: Kharkov National University named after V.N. Karazin, 179—200 (in Ukrainian).
- Terpilovskii, R.V. 2004. *Slaviane Podneprov'ia v pervoi polovine I tysiacheletia n.e. (Slavs in the Dnieper Region in the 1st Half of First Millennium AD)*. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej (in Russian).
- Terpilovskii, R.V., Abashina, N.S. 1992. *Pamiatniki kievskoi kul'tury (svod arkheologicheskikh istochnikov) (Sites of Kiyevskaya Culture: Corpus of Archaeological Sites)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Shcheglova, O.A. 2004. In Goriunova, V.M., Shcheglova, O.A. (eds.). *Kul'turnye transformatsii i vzaimovlianiia v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem srednevekov'e (Cultural Transformations and Mutual Influences in the Dnieper Region at the End of Roman Era and in the Early Middle Age)*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ., 117—123 (in Russian).
- Shchukin, M.B. 1979. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 20, 66—89 (in Russian).
- Shchukin, M.B. 2005. *Gotskii put' (goty, Rim i cherniakhovskaia kul'tura) (The Gothic Way (Goths, Rome and the Culture of the Cherniakhov-Sintana de Mureş))*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, Faculty of the Philology (in Russian).
- Shchukin, M.B. 2011. In Machinskii, D.A. (ed.). *Evropeiskaia Sarmatiia: sbornik, posviashchennyi M.B. Shchukinu (European Sarmatia: a Collection of Papers Dedicated to M.B. Shchukin)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 239—244 (in Russian).
- Eggers, H.J. 1951. *Der römische Import im freien Germanien*. (Atlas der Urgeschichte, 1). Hamburg: Hamburgisches Museum für Völkerkunde und Vorgeschichte.
- Eggers, H.J. 2006. *Einführung in die Vorgeschichte*. Berlin: Scripvaz-Verlag Christof Krauskopf.
- Eggert, M. 2008. *Prähistorische Archäologie: Konzepte und Methoden*. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag.
- Kolendo, J. 1998. Rola studiów źródłoznawczych w badaniach nad importami rzymskimi znajdowanymi na terenie Barbaricum. In Kolendo, J. *Świat antyczny i barbarzyńcy: Teksty, Zabytki, Refleksja nad Przeloscia*. Seria Podręczników, tom 3. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 5—20.
- Kossinna, G. 1911. *Die Herkunft der Germanen*. Mannus-Bibliothek 6. Würzburg: C. Kabitzsch.
- Trachsel, M. 2008. *Ur- und Frühgeschichte. Quellen, Methoden, Ziele*. Zürich: Orell Füssli Verlag AG.
- Uslar, R. von. 1955. Über den Nutzen spekulativer Betrachtung vorgeschichtlicher Funde. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums* 2, 1—20.
- Wahle, E. 1941. *Zur ethnischen Deutung frühgeschichtlicher Kulturprovinzen. Grenzen der frühgeschichtlichen Erkenntnis* I. Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Jahrgang 1940/41. 2. Abhandlung. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung.

Статья поступила в номер 24 января 2022 г.

Mikhail Liubichev (Kharkiv, Ukraine). Doctor of Historical Sciences. V. N. Karazin Kharkiv National University¹.

Mihail Liubichev (Harcov, Ucraina). Doctor în științe istorice. Universitatea națională din Harkiv „V.N. Karazin”.

Любичев Михаил Васильевич (Харьков, Украина). Доктор исторических наук. Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина.

E-mail: gsae@karazin.ua

Address: ¹ Svobody Place, 6, Kharkiv, 61022, Ukraine

Список сокращений

АДСВ	— Античная древность и средние века. Свердловск / Екатеринбург.
АДУ	— Археологічні дослідження в Україні. Київ.
АЕС	— Археология евразийских степей. Казань.
АКИН	— Агентство культурно-исторического наследия. Горно-Алтайск.
АлтГУ	— Алтайский государственный университет. Барнаул.
АН	— Академия наук.
АН СССР	— Академия наук СССР. Москва.
АН УРСР	— Академія наук Української РСР. Київ.
АН УССР	— Академия наук Украинской ССР. Киев.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БГУ	— Белорусский государственный университет. Минск.
БИ	— Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
БИАС	— Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь.
ВАУ	— Вопросы археологии Урала. Свердловск / Екатеринбург.
ВГУ	— Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ВолГУ	— Волгоградский государственный университет. Волгоград.
ГАЗ	— Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск.
герм.	— (древне)-германский язык.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
ГМВ	— Государственный музей Востока. Москва.
ГМЗ	— государственный музей-заповедник.
ГМИНВ	— Государственный музей искусства народов Востока. Москва.
гот.	— готский язык.
ГРВЛ	— Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». Москва.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург.
ДБ	— Древности Боспора. Москва.
др.-ирл.	— древне-ирландский язык.
ДСПиК	— Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье.
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Санкт-Петербург.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИА ИА НАНУ	— Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ИА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук. Москва.
ИАИАИАНД	— Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Азов.
ИАКр	— История и археология Крыма. Симферополь.
ИАЭТ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск.
ИБ РАН	— Институт востоковедения Российской Академии наук. Москва.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИИЯЛ УНЦ РАН	— Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской Академии наук. Уфа.
ИМКУ	— История материальной культуры Узбекистана. Ташкент; Самарканд.
ИРГО	— Императорское Русское Географическое Общество. Санкт-Петербург.
ИрГТУ	— Иркутский государственный технический университет. Иркутск.
ИЭА РАН	— Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук. Москва.
ИЭРЖ	— Институт экологии растений и животных. Москва.
ІА НАНУ	— Інститут археології Національної Академії наук України. Київ.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Российской Академии наук. Москва.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва; Ленинград / Санкт-Петербург.
ЛНУ	— Львівський національний університет ім. Івана Франка. Львів.
МАБ	— Материалы по археологии Белоруссии. Минск.
МАИАСП	— Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Нижневартовск.

МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МАЭ РАН	— Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого «Кунсткамера» Российской академии наук. Санкт-Петербург.
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва.
МДАПВ	— Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МИЦАИ	— Международный институт центральноазиатских исследований ЮНЕСКО. Самарканд.
МКТУ	— Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави. Туркестан.
МНМ	— Мифы народов мира. 1991. Т.1, 1992. Т. 2. Москва: Советская энциклопедия.
МРС	— мелкий рогатый скот.
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НАНБ	— Национальная академия наук Беларуси. Минск.
НГПУ	— Новосибирский государственный педагогический университет. Новосибирск.
НИР	— научно-исследовательская работа.
НПО	— научно-производственное объединение.
НС МНО	— Нумизматический сборник Московского Нумизматического общества. Москва.
НЦ	— научный центр.
ОГПУ	— Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург.
ОмГПУ	— Омский государственный педагогический университет. Омск.
ОмГУ	— Омский государственный университет. Омск.
ОЭ	— Отделение этнографии.
ПАВ	— Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург.
ПАН	— Польская академия наук. Варшава.
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск; Москва.
РА	— Российская археология. Москва.
РАЕ	— Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург.
РАН	— Российская Академия наук. Москва.
РАНХиГС	— Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва.
РСМ	— Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Москва.
РЭ	— Российская энциклопедия.
РЭС	— Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. 2007—. Вып. 1—. Москва: Ин-т рус. яз. РАН
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
СВФУ	— Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова. Якутск.
СГСПУ	— Самарский государственный социально-педагогический университет. Самара.
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
ср.-валл.	— средне-валлийский язык.
СЭ	— Советская этнография. Москва.
ТГУ	— Томский государственный университет. Томск.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
ТОКМ	— Томский областной краеведческий музей. Томск.
ТПП	— транспортно-производственное предприятие.
УрГУ	— Уральский государственный университет. Свердловск / Екатеринбург.
УрО РАН	— Уральское отделение Российской Академии наук. Екатеринбург.
ФИА	— филиал Института археологии.
ХМАО	— Ханты-Мансийский автономный округ.
ХНУ	— Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна. Харків.
ХСб	— Херсонесский сборник. Севастополь.
ЭО	— Этнографическое обозрение. Москва.
ЭССЯ	— Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. 1974—. Т. 1—. Под. ред. О.Н. Трубачёва. Москва: Наука.
ЮНЦ РАН	— Южный научный центр Российской Академии наук. Ростов-на-Дону.
ЮУРГУ	— Южно-Уральский государственный университет. Челябинск.
ЮФУ	— Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону.
ЯГУ	— Якутский государственный университет. Якутск.
ЯНАО	— Ямало-Ненецкий автономный округ.
ААА	— Acta Archaeologica Albaruthenica. Minsk.
AAL	— Acta Archaeologica Lodziensia. Łódź.
ACHCByz	— Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance. Paris.
AFSB	— Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege. Dresden.
APŚ	— Archeologia Polski Środkowoschodniej. Lublin.
AUL FA	— Acta Universitatis Lodziensis Folia Archaeologica. Łódź.
AV ČR	— Akademie věd České republiky. Praha.
BAR	— British Archaeological Reports. Oxford.

№4. 2022

BAR IS	— British Archaeological Reports, International Series. Oxford.
BRGK	— Berichte der Römisch-Germanischen Kommission. Mainz.
Eccl.	— ecclesiasticus, церковный.
FAH	— Fasciculi Archaeologiae Historicae. Budapest.
FMAB	— Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica.
IAE PAN	— Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk. Warszawa.
m	— masculinum, мужской род.
MAG	— Muzeum Archeologiczne w Gdańsku. Gdańsk.
MAP	— Muzeum Archeologiczne w Poznaniu. Poznań.
OE	— Old English, старо-английский.
OHG	— Old High German, древне-верхне-немецкий.
PMA	— Państwowe Muzeum Archeologiczne. Warszawa.
PTP	— Poznańskie Towarzystwo Prehistoryczne. Poznań.
RB	— Rocznik Białostocki. Białystok.
RGZM	— Römisch-Germanisches Zentralmuseum. Mainz.
RZ	— Rocznik Zamojski. Zamość.
UAM	— Uniwersytet Adama Mickiewicza. Poznań.
UMCS	— Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. Lublin.
WA	— Wiadomości Archeologiczne. Warszawa.